

ЗАКУСОЧНАЯ
24 ЧАСА

ПРОБУЖДЁННАЯ

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

Юрий Верхолин

Пробужденная

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Пробужденная / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

Она тридцать лет носила маску «удобной» женщины: терпела унижения, мирилась с нищетой и глотала синие таблетки, которые врачи выписали после странного детского инцидента. Химическая тишина должна была навсегда заглушить её «патологию». Но последняя таблетка закончилась. Внезапно Анжела обнаруживает, что способна голыми руками гнуть сталь, отрывать автомобильные двери и поднимать людей в воздух. Но её пробуждение привлекает внимание спецслужб и загадочных людей в чёрных седанах. За ней начинается охота. Теперь тихой матери-одиночке предстоит защитить сына и бросить вызов системе, которая десятилетиями держала её на цепи. «Пробуждённая» — напряжённый триллер о женщине, которая перестала быть жертвой.

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Химическая тишина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юрий Верховин

Пробужденная

1. Химическая тишина

Воспоминание о том дне сохранилось у Анжелы не целиком, а отдельными, необыкновенно чёткими кусками: белёсая пыль на линолеуме, снятая дверца кухонного шкафа, прислонённая к стене, запах известки, смешавшийся с запахом яблочного компота, и старая газета, которую отец расстелил под радиатором. Ей было семь или восемь лет — позже мать говорила то одно, то другое, а сама Анжела так и не научилась привязывать тот случай к точной дате. Она помнила только, что в квартире шёл ремонт и взрослые были заняты делами, которые казались им гораздо важнее детских вопросов.

Отец с утра переставлял мебель и возился с отоплением. Тяжёлую чугунную секцию радиатора зачем-то сняли, потом решили закрепить обратно; отец несколько раз сердито повторял, что старые крепления никуда не годятся и нормальный человек давно бы их заменил. Мать спорила с ним из-за того, что на кухне невозможно пройти, одновременно следила за кастрюлей и пыталась отмыть стеклянные банки, вынутые из шкафа. Из комнаты бормотал телевизор — там мужчина с серьёзным голосом говорил что-то о подготовке хозяйств к зиме. На плите грелся чайник, а на полу возле стола Анжела заводила маленькую механическую собачку с жестяными лапами. Собачка несколько секунд деловито топала вперёд, потом останавливалась, и девочка снова поворачивала ключ.

— Не крутись под ногами, — сказал отец, протискиваясь мимо неё с отвёрткой. — Я же тебе сказал: здесь всё тяжёлое.

Анжела послушно отползла ближе к столу. Через минуту отец вышел в коридор за каким-то инструментом, мать отвернулась к плите, а девочка снова занялась игрушкой. Она уже собиралась завести собачку ещё раз, когда услышала над собой короткий скрежет. Звук был негромким, но неправильным. Анжела подняла голову. Одна сторона радиатора отделилась от стены. Из отверстия посыпалась штукатурка. Сначала тяжёлая чугунная секция наклонилась медленно, почти лениво, и происходящее ещё не успевало стать понятным. Потом второе крепление выскочило, металл резко пошёл вниз, прямо на неё. Она не успела позвать родителей и не успела отодвинуться. Тело сработало раньше мысли: Анжела вскинула обе руки, выставив ладони перед лицом. После этого много лет она пыталась убедить себя, что память исказила случившееся. Но в детском воспоминании всё было ясно. Радиатор не ударил её. Он даже не коснулся ладоней.

Тяжёлую чугунную секцию вдруг отбросило в сторону, будто её толкнули мощным, невидимым рывком. Она пролетела примерно полметра, грохнула на линолеум возле шкафа и ударилась углом о ножку табурета. Табурет подпрыгнул. С края стола упала ложка. Механическая собачка, которую Анжела только что выпустила из рук, опрокинулась на бок, но механизм внутри неё почему-то сработал, и жестяные лапы беспомощно застучали по полу. Анжела осталась сидеть там же. Она не чувствовала боли. Не чувствовала и удара, который должен был пройти по рукам, если бы ей действительно удалось оттолкнуть падающий металл. Несколько секунд девочка смотрела перед собой, затем медленно повернула ладони к лицу. На них не было ничего необычного: немного пыли, тонкая царапина возле запястья, грязноватая полоска под ногтем большого пальца.

На плите начал свистеть чайник.

— Что там?! — донёсся голос отца.

Он влетел на кухню первым, увидел лежащий радиатор и замер. Следом обернулась мать. Она побледнела, схватилась за грудь и тут же бросилась к дочери.

— Господи, Анжела! Тебя задело? Где болит? Покажи!

Мать подхватила её под мышки, поставила на ноги, стала торопливо ощупывать голову, плечи, руки. Анжела позволяла себя осматривать, но всё время смотрела мимо неё на радиатор.

— Я его... — сказала она.

— Что?

— Я его руками.

— Что руками?

Анжела показала ладони.

— Я его толкнула.

Мать на секунду перестала ощупывать её, потом прижала к себе.

— Ты испугалась. Всё, всё, ничего не случилось.

— Мам, он на меня падал.

— Я вижу.

— А я так сделала...

Она снова выставила перед собой ладони. Отец уже присел возле стены и разглядывал вырванные крепления. Страх на его лице продержался всего несколько секунд и быстро сменился раздражением.

— Вот же сволочи. Я говорил, что здесь всё на соплях держится.

— Какое «на соплях»? — вскинулась мать. — Ребёнка чуть не убило!

— Вот я и говорю! Посмотри, что поставили. Кто так крепит?

— Ты сам сегодня эту батарею вешал.

— Я её на старые крепления поставил. А старые кто делал? Те мастера. Я ещё тогда говорил, что горе-мастера.

Анжела стояла между ними и ждала, что кто-нибудь наконец посмотрит не на стену, не на крепление, не на штукатурку, а на то место, куда отбросило радиатор. Отец утром двигал эту секцию, упираясь ногами в пол. В какой-то момент даже позвал соседа, потому что одному было неудобно. Анжела это видела. Она знала, что такая вещь не должна отлетать от поднятых детских ладоней. Но взрослые уже спорили о ремонте. Мать сняла с плиты чайник, отец принёс веник и совок. По телевизору началась реклама. Механическая собачка перестала стучать лапами. Через несколько минут мать вытирала пыль, отец ругал прежних мастеров, а сверхъестественное событие, которое только что произошло посреди их кухни, растворилось в обычной семейной суете. Анжела ещё несколько раз попыталась вернуться к нему.

— Пап, а почему батарея туда упала?

— Потому что плохо закрепили.

— Нет. Она сначала на меня...

— Я же сказал: больше сюда не ходи, пока не закончим.

— Но я её толкнула.

Отец посмотрел на неё уже с лёгким раздражением.

— Чем ты её толкнула? Ты сама меньше этой батареи вешишь.

На этом разговор закончился. Если взрослые не увидели ничего странного, значит, ничего странного, возможно, и не было. В семь лет такой вывод казался вполне разумным. Однако ночью Анжела несколько раз просыпалась. Ей мерещился короткий скрежет крепления. Она выставляла руки перед собой и в темноте разглядывала ладони, пытаясь почувствовать в них то, что почувствовала утром. Никакого особого ощущения не возникало. На следующий день мать всё-таки решила показать дочь врачу — «просто на всякий случай, чтобы нервную систему проверили». Отец сначала отмахивался: ребёнок цел, синяков нет, головой не ударилась, чего по больницам таскаться? Но мать напомнила, что Анжела плохо спала, и он уступил.

Поликлиника располагалась в старом здании с широкими подоконниками и потемневшими деревянными дверями. В коридоре пахло лекарствами, мокрыми пальто и недавно вымытым полом. Сам кабинет запомнился Анжеле особенно хорошо: спирт, старое дерево, шкаф с мутноватыми стёклами и металлический лоток на столе, в котором лежали какие-то инструменты. Врач оказался немолодым мужчиной в белом халате. Он долго листал карту и разговаривал в основном с матерью, словно самой Анжелы в кабинете почти не было.

— Сознание теряла?

— Нет.

— Тошнота, рвота?

— Нет.

— Жалобы на головную боль?

Мать повернулась к дочери.

— Голова болела?

— Нет.

— Ночью просыпалась, — добавила мать. — Испугалась, конечно.

— После такого неудивительно.

Врач проверил рефлексы, попросил Анжелу пройти по прямой, коснуться пальцем кончика носа, проследить глазами за движением ручки. Всё получалось нормально. Девочка уже решила, что скоро они уйдут домой, когда врач достал из ящика прибор с рукоятью и шкалой.

— Ну-ка, посмотрим силу кисти. Возьми.

Анжела обхватила рукоять. Металл был прохладным.

— Сжимай.

— Сильно?

— Насколько можешь.

Она сжала. Внутри прибора что-то скрипнуло, стрелка резко ушла вправо. Врач перестал улыбаться. Он поднёс динамометр ближе к глазам, проверил положение стрелки и снова протянул прибор девочке.

— Ещё раз.

— Что-то не так? — спросила мать.

— Пока ничего. Давай, Анжела.

На этот раз она даже не старалась изо всех сил. Ей стало неловко от того, как врач смотрел на прибор. Она сжала рукоять осторожнее, но пружина внутри сухо треснула, а стрелка снова ушла далеко за пределы показателей, которые врач, видимо, ожидал увидеть у ребёнка. Он забрал динамометр и несколько секунд молчал. Анжела впервые почувствовала, что взрослый человек смотрит на неё так, как должен был посмотреть отец вчера на кухне. Врач переводил взгляд с прибора на её руки и обратно. В его лице появилось не профессиональное любопытство, а настороженность. Она сразу вспомнила радиатор.

— Я батарею тоже толкнула, — сказала Анжела.

Рука врача остановилась над столом.

— Какую батарею?

— Которая упала.

Мать улыбнулась, словно заранее извиняясь за детскую фантазию.

— Она теперь всё повторяет, что сама её отбросила. Перепугалась, наверное, вот и придумала.

— Отбросила? — переспросил врач.

— Она тяжёлая была, — торопливо объяснила Анжела. — Папа один её еле двигал. А она на меня падала, я руки подняла, и она туда...

Девочка показала в сторону шкафа, которого в кабинете, конечно, не было. Врач больше не смотрел на мать. Несколько секунд он рассматривал Анжелу. Потом вдруг задвинул динамометр в ящик и закрыл его.

— Бывает, — произнёс он.

— Что бывает? — спросила мать.

— После сильного испуга у детей возможны необычные реакции. Нервная система ещё формируется.

Он снова открыл карту и начал писать. Выражение его лица стало спокойным, почти скучающим, но Анжела заметила, что писал он дольше, чем прежде.

— Девочка вообще тревожная?

— Тихая, — сказала мать. — Очень. Но впечатлительная.

— Раздражительность бывает? Вспышки?

— Да какие вспышки? Она у нас слова поперёк не скажет.

Врач слегка постучал ручкой по столу.

— Не вся агрессия проявляется внешне.

Анжела слушала и пыталась понять, о ком они говорят.

— А что с ней? — спросила мать.

Врач повернул карту к себе и произнёс уверенным тоном:

— Скрытое тревожное расстройство с приступами агрессии и гипертонической болезнью.

Мать нахмурилась.

— Но она же спокойная.

— Я вам именно об этом и говорю. Скрытая форма. Ребёнок всё держит внутри. После сильного стресса такие состояния могут усиливаться.

Это объяснение почему-то сразу сделало всё понятным для матери. Она закивала. Анжела сидела на высоком стуле и всё ещё думала о динамометре, который врач поспешил убрать. Он выписал рецепт.

— Чтобы снять напряжение, она у вас слишком напряжена.

Мать взяла бумажку и с облегчением выдохнула:

— А мы думали, что-то страшное.

Врач ничего на это не ответил. Когда они выходили, Анжела обернулась. Он всё ещё сидел за столом и смотрел на закрытый ящик с прибором. Синие таблетки купили в тот же день. Название было длинным и ничего девочке не говорило. Первая таблетка лежала вечером рядом с тарелкой, маленькая, гладкая, почти красивая. Мать налила воду.

— Выпей.

Анжела положила таблетку на язык. Оболочка быстро начала растворяться, оставляя меловой, чуть горьковатый привкус.

— Мам, а долго их пить?

— Сколько врач скажет.

— А от чего они?

Мать помедлила, подбирая понятное объяснение.

— Чтобы ты меньше волновалась.

— Я не волнуюсь.

— Вот и хорошо. Значит, помогают.

Так началась жизнь, которую Анжела много лет считала нормальной. Таблетка, вода, школа. Таблетка, вода, уроки. Таблетка, вода, контрольная. Поначалу изменения были заметны. После лекарства хотелось сидеть неподвижно, мысли будто двигались медленнее, а окружающие звуки отдалялись. Анжела жаловалась матери, что на уроках ей трудно сосредоточиться, но слышала в ответ, что организм должен привыкнуть. Потом организм и вправду привык — или Анжела перестала помнить, каково жить иначе. Это была не обычная сонливость. Она могла рано вставать, ходить в школу, делать домашние задания, отвечать у доски. Просто между ней и миром постепенно образовался мягкий, плотный слой, через который всё доходило приглушённым.

Однажды на уроке труда она порезала палец ножом. Сначала увидела кровь, выступившую вдоль тонкой линии, и только спустя несколько секунд почувствовала боль. Не резкую — скорее далёкое жжение.

— Сильно? — спросила учительница.

Анжела посмотрела на палец.

— Не знаю.

То же самое происходило с чувствами. Если её обижали, она понимала, что ей обидно, но слёзы не приходили. Вместо них возникала тяжесть в груди, недостаточно сильная, чтобы расплакаться, и не настолько слабая, чтобы совсем забыть о ней. Если происходило что-нибудь хорошее, Анжела знала, что должна радоваться, улыбалась, благодарила — и ждала, когда появится сама радость. Иногда она появлялась, но тускло, ненадолго. К старшим классам это состояние уже не казалось состоянием. Оно стало характером.

— Анжела, пересядешь? Мне с Олей надо.

Она пересаживалась.

— Дашь списать?

Давала.

— Ты же не против за меня подежурить?

Не против. Отказ требовал объяснений, возможного недовольства, разговора. Согласие ничего не требовало. Поэтому Анжела соглашалась. Мать хвалила её:

— Вот у кого золотой характер. Спокойная, неконфликтная.

Учителя говорили примерно то же самое. С соседями она не спорила. В очередях не возмущалась. Если кто-нибудь проходил перед ней, Анжела делала шаг назад. Если продавец ошибался в сдаче на небольшую сумму, ей проще было уйти, чем возвращаться к кассе и дока-

зывать свою правоту. Слова «тихая» и «удобная» постепенно перестали звучать как описание и стали внутренним правилом. С хорошими людьми не спорят. Хорошие люди не создают проблем. Если тебе неудобно — потерпи. Если обидно — ничего страшного. Если злишься — значит, ты опять слишком напряжена. Иногда из далёкой памяти всплывал радиатор. Девочка на полу. Поднятые руки. Тяжёлый металл, улетевший туда, куда не должен был улететь. Но это воспоминание с годами становилось всё менее убедительным. В семье оно превратилось в забавную историю.

— Помнишь, как тебя в детстве батареей чуть не пришибло? — говорила мать.

— Помню.

— После этого тебя к врачу и повели. Напугала ты нас тогда.

Никто не вспоминал, что радиатор отбросило в сторону. Отец много лет был уверен, что секция просто сорвалась и удачно упала рядом. Мать считала рассказы Анжелы детской фантазией. Постепенно сама Анжела приняла их версию. В конце концов, взрослые видели всё собственными глазами. Врач тоже не обнаружил ничего, кроме тревожного расстройства. Наверное, так всё и было. Институт продолжил тот же ритм: утренняя таблетка, чашка воды, автобус, аудитории, конспекты, столовая, дорога домой. У Анжелы были приятели, потом появился мужчина, который спустя несколько лет стал её мужем. Она не была несчастна. Несчастье — чувство яркое, требовательное, заставляющее искать выход. Анжела жила в более ровном состоянии. С ней было легко. Так ей говорили.

Она не устраивала сцен, не требовала невозможного, не спорила из-за мелочей. Если планы менялись, соглашалась. Если её просили задержаться, задерживалась. Если кто-то забывал обещание, делала вид, что не страшно. После института появилась работа, потом другая. Названия препаратов иногда менялись, упаковки становились другими, врачи в поликлинике тоже сменяли друг друга, но ритуал оставался прежним. Анжела показывала старые назначения, получала новые рецепты и редко спрашивала зачем. Синие таблетки много лет были такой же обязательной частью утра, как зубная щётка. Химическая тишина стала фоном существования. В ней не хотелось кричать. Не хотелось бунтовать. Даже когда хотелось чего-нибудь другого, это желание быстро уставало.

Замуж Анжела вышла без большого праздника. Муж был обычным человеком — работал, приходил домой уставшим, по выходным иногда готовил завтрак. Он не пытался подавлять её и не пользовался её покладистостью сознательно. Поначалу Анжеле рядом с ним было спокойно, а спокойствие она давно считала главным признаком благополучия. Потом родился сын. В роддоме случилось редкое для неё потрясение. Медсестра положила ребёнка рядом, Анжела увидела маленькое сморщенное лицо, крохотные пальцы и неожиданно заплакала. Слёзы текли сами, горячие, обильные; она даже испугалась их, потому что за предыдущие годы почти забыла такое состояние.

— Больно? — спросила медсестра.

Анжела покачала головой.

— Тогда чего?

Она не смогла объяснить. Несколько минут химическая тишина не действовала. Потом жизнь вернулась к привычному уровню громкости. Семья сначала справлялась. Затем начался тот вид бедности, который не выглядит катастрофой со стороны: люди работают, холодильник не пустой, ребёнок одет, коммунальные услуги не отключают — но каждый месяц превращается в задачу, где сумма обязательных расходов почти совпадает с суммой доходов. Подгузники сменились детсадовскими сборами, потом одеждой, из которой сын вырастал раньше, чем она успевала изнашиваться. Кредиты, коммуналка, продукты, проезд. Анжела научилась смотреть на детскую куртку не как на вещь, а как на количество месяцев, которое та должна прослужить. Муж тоже экономил, брал дополнительные часы, отказывался от покупок для себя. Он не бил Анжелу. Не изменял ей. Не пропивал деньги. Не исчезал на несколько суток.

Позже Анжеле иногда казалось, что одна большая причина даже упростила бы развод. Большую причину можно назвать вслух, показать другим и самой себе. Их брак разрушался иначе — медленно, почти бесшумно. Однажды ночью Анжела проснулась и не увидела мужа рядом. На кухне горел только экран смартфона. Муж сидел за столом в старой футболке, сгорбившись над банковским приложением. Холодный свет снизу делал его лицо ещё более усталым. Он перелистывал счета, потом тяжело выдохнул и потёр лицо ладонями. Анжела остановилась в дверях.

— Ты чего не спишь?

— Опять за свет пришло... — Он показал ей экран.

Она села напротив. На холодильнике висел рисунок сына, прижатый магнитом. Рядом — рекламный календарь из аптеки. Мотор холодильника включился и загудел. Анжела знала, что сейчас надо сказать: «Ничего, справимся». Или предложить взять дополнительные смены. Или просто накрыть ладонью руку мужа. Она не сделала ничего. Не потому, что ей было всё равно. Скорее сочувствие находилось где-то внутри, но до действия не доходило.

— Сколько? — спросила она.

Муж назвал сумму. Анжела кивнула. Они ещё несколько минут сидели друг напротив друга. Не ссорились, не обвиняли друг друга. Именно это и было хуже всего. Их брак умирал не от удара, а от удушья: понемногу, каждым новым счётом, недосыпом, ростом цен, каждой дешёвой вещью для сына, выбранной вместо той, что ему понравилась. Развод тоже оказался тихим. Бумаги подписывали на той же кухне, пока сын спал в комнате. Муж положил перед Анжелой листы и ручку.

— Тут подпись.

Она подписала.

— И здесь.

Подписала ещё раз. Он некоторое время смотрел на бумаги, потом спросил:

— Всё?

— Наверное.

Никто не произнёс фразы о разбитой жизни. Никто не хлопнул дверью. Муж собрал вещи без скандала. Сына продолжал навещать. Анжела не препятствовала. Они оба понимали неприятную, почти постыдную вещь: вдвоём они уже не справлялись, а поодиночке хотя бы появлялась иллюзия, что можно немного свободнее дышать. К настоящему времени Анжела работала в закусочной при АЗС. Место было не хуже десятков других придорожных заведений: несколько пластиковых столов, витрина с разогреваемой едой, касса, кофейный автомат и служебная дверь, за которой начинались кухня, мойка и маленькая подсобка. Утром пахло дешёвым кофе и вчерашним маслом. К середине дня масло снова нагревалось, запах въедался в одежду и волосы. Холодильники гудели почти непрерывно, касса пищала, мелочь звенела в лотке. После смены Анжела иногда замечала запах жарки уже дома, когда снимала форму.

Начальницу звали Белла. Она редко повышала голос. Ей это было не нужно. Белла умела делать неприятные вещи с улыбкой и объяснять работнику, что причинённая ему несправедливость на самом деле возникла из-за его собственной невнимательности. Табель она вела сама, часы корректировала сама, удержания тоже объясняла сама. Всё звучало так буднично и уверенно, что спорить становилось неловко. Однажды Белла подозвала Анжелу к маленькому столику возле подсобки и положила перед собой табель.

— Анжела, милая, ты вчера на 15 минут позже пришла, я убрала из табеля. И за разбитую чашку я тоже удержу, у нас в договоре прописано.

Анжела сначала решила, что Белла перепутала день.

— Я вчера не опаздывала.

— Опаздывала.

— Я без десяти уже переделалась.

Белла улыбнулась ещё мягче.

— Тебе так кажется. Я же время записываю.

Анжела помнила вчерашнее утро. Автобус пришёл раньше обычного. Она даже успела купить возле остановки воду. В закусочную вошла до начала смены и несколько минут помогала убрать коробки из прохода.

— Я точно была вовремя.

Белла вздохнула с терпением человека, вынужденного объяснять очевидное.

— Хорошо, Анжела. Я не буду с тобой спорить из-за пятнадцати минут. Просто в следующий раз внимательнее следи за временем.

Получалось, что спорила именно Анжела. Она почувствовала знакомую тяжесть. Не злость — до злости чувство не успело дорасти.

— А чашка?

— Что чашка?

— Я её не разбивала.

Белла провела пальцем по табелю.

— На твоей смене разбилась.

— Но я не разбивала.

— Анжела, у нас материальная ответственность. Я не могу каждый раз расследование проводить из-за чашки. Тем более сумма небольшая.

Сумма действительно была небольшой. В этом и заключалась ловушка. Пятнадцать минут — немного. Чашка — немного. Задержаться после смены на двадцать минут — немного. Один раз не внести часть времени в табель — немного. Каждая отдельная потеря выглядела слишком мелкой для конфликта. Вместе они становились часами работы и деньгами, которых Анжеле постоянно не хватало. Она посмотрела на табель. Можно было потребовать показать записи. Можно было напомнить, кто действительно разбил чашку. Анжела даже помнила: один из посетителей задел её локтем, чашка упала со стойки, а она потом сама собрала осколки. Мысль о споре существовала несколько секунд. Потом химическая тишина поглотила её. Не спорь. Тебе нужны деньги. Ты слабая. Анжела кивнула.

— Хорошо.

— Вот и отлично, — сразу подобрела Белла. — Я знала, что мы друг друга поймём.

Анжела вернулась к работе. Она вытирала столы, меняла пакеты в мусорных корзинах, принимала заказы, слышала звон монет и равномерное гудение холодильников. Несколько раз вспоминала про пятнадцать минут, затем мысль отступила. К концу смены осталось только обычное ощущение усталости. Так было проще. Дома её ждал сын, продукты, стирка и утро следующего дня.

Утро началось со второго носка.

— Мам, его нет!

Анжела стояла у кухонного стола и пыталась открыть банковское приложение.

— Где нет?

— Носка!

— Посмотри под кроватью.

— Я смотрел.

— Тогда возле батареи.

Слово «батарея» давно уже ничего в ней не задевало. Сын прошёл по коридору в одном носке и вернулся через несколько секунд.

— Там тоже нет.

Чайник на плите начал тихо посвистывать. Анжела наконец вошла в приложение. На карте было четыреста рублей. Она некоторое время смотрела на цифру, хотя та от этого не

менялась. Завтра надо было платить за кружок сына. Деньги ожидались позже. До работы нужно было доехать. На обратную дорогу тоже оставить.

— Мам!

— Сейчас.

— Я опоздаю.

Анжела закрыла приложение и открыла холодильник. Внутри стояла кастрюля, пакет молока, несколько яиц, масло и контейнер с приготовленной вчера едой. Она быстро посчитала расходы. Сегодня можно не обедать на работе. Кофе там всё равно был. Если не покупать еду, часть денег сохранится. Голод к вечеру обычно становился неприятным, но терпимым. Анжела вообще умела терпеть.

— Нашёл! — крикнул сын из комнаты.

— Где был?

— В штанине.

— Как он туда попал? — спросила Анжела и невольно улыбнулась.

— Не знаю.

Чайник засвистел громче. Она выключила плиту и налила воду в кружку. На столе рядом с сахарницей лежал блистер с синими таблетками. Привычный предмет. Настолько привычный, что Анжела обычно не смотрела на него. Нажать пальцем. Выдавить таблетку. Положить на язык. Запить. Сегодня она вдруг заметила, что в блистере осталась одна. Анжела взяла упаковку. Перевернула. Проверила ещё раз, хотя ошибиться было невозможно. Одна таблетка. Она вспомнила, что надо было заранее записаться за новым рецептом, но последние дни всё откладывала. Смена, сын, коммунальные платежи, магазин. Теперь придётся заниматься этим после работы или завтра. Анжела нажала на прозрачный пузырёк. Фольга лопнула, таблетка выпала ей на ладонь. Маленькая. Синяя. Такая же, как сотни и тысячи таблеток до неё. Она почему-то не отправила её сразу в рот.

Сын возился в комнате, собирая рюкзак. За окном проехала машина. В соседней квартире хлопнула дверь. Утро шло своим обычным порядком, но Анжела продолжала смотреть на таблетку. Вчера Белла снова вычла деньги. До этого были часы. Ещё раньше — какая-то нехватка. Анжела не могла вспомнить, когда в последний раз по-настоящему потребовала от другого человека прекратить то, что ей не нравится. Не попросила. Не объяснила. Не уступила в итоге. А именно потребовала. Мысль была странной и неприятной. Откуда она вообще взялась? Анжела подвинула кружку ближе, но руку с таблеткой не подняла. Когда-то врач сказал матери, что она тревожная. Слишком напряжённая. Были даже какие-то приступы агрессии, хотя Анжела за всю жизнь едва ли могла вспомнить хотя бы один настоящий приступ. Она нахмурилась. В памяти неожиданно появился старый кабинет. Запах спирта. Деревянный шкаф. Динамометр.

Стрелка, ушедшая вправо. И врач, который очень быстро спрятал прибор в ящик. Анжела давно не вспоминала об этом так ясно. Потом возникла кухня детства. Радиатор. Её поднятые руки. Чугунная секция, отброшенная в сторону. Она машинально сжала пальцы, и таблетка оказалась зажата в кулаке. Что, если всё было не так, как ей объясняли? Нет. Глупость. Прошло столько лет. Она взрослый человек. Мать. Разведённая женщина с четырьмя сотнями рублей на карте, дешёвой работой и ребёнком, который умудряется хранить носки в штанинах. Какие ещё радиаторы? Анжела разжала ладонь. Синяя таблетка лежала посередине. И всё же впервые за много лет мысль не исчезла сразу. Она удержалась в голове, не растворилась в привычном «неважно», не уступила место списку дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.